

18+

Виктор Девера

Храм любви

книга ЧУДЕСА ШАМАНКИ

Виктор Девера

**Храм любви. Книга
«Чудеса Шаманки»**

«Издательские решения»

Девера В.

Храм любви. Книга «Чудеса Шаманки» / В. Девера —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-510510-3

**НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД
ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ
УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.** В
дискуссиях героев, через магические проявления, раскрываются мнения
героев на различные формы любви и семьи. В различных историях любви,
снах и фантазиях героев раскрываются их мнения на формы новой семьи и
любви. Показываются возможные отношения не на имущественной скрепе
сохранения семьи как разбитого корыта старого мира, а показываются
возможные основы семьи нового мира, построенного на любви и её вере, где
обоожествляется созидательная роль женщины.

ISBN 978-5-00-510510-3

© Девера В.
© Издательские решения

Содержание

Глава 18. Чудеса Шаманки	6
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Храм любви Книга «Чудеса Шаманки»

Виктор Девера

Корректор Анастасия Казакова

Дизайнер обложки Вера Филатова

© Виктор Девера, 2020

© Вера Филатова, дизайн обложки, 2020

ISBN 978-5-0051-0510-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 18. Чудеса Шаманки

На что бессилён бес иной,
По силам женщине порой.

Эту ночь он после, когда уже ехал в машине, ещё некоторое время вспоминал в задумчивости, как бы анализируя всё, что произошло с ним.

Тогда, в темноте и в состоянии сильного возбуждения, он не понял, почему очаровательная фея, подняв в нём бурю страстного огня, до самого жгучего момента ликования, вдруг завязала глаза и ушла. Оставшись наедине, в томном ожидании удовлетворения страстного желанбесия, он ждал её – и напрасно: она больше не появилась. Однако в полной темноте, с прикрытыми наглухо глазами не понял, что вошедшая вместо неё Анна утолила его возбуждённую душу, дав ему и желанное общение, и нежность. В пылу колдовской страсти, но скорее всего под действием чистого гипноза, он совершенно не заметил, что в этом процессе с завязанными глазами женщины умышленно подменили друг друга. Он, находясь под магическим воздействием страсти, не заметил, да и не мог в состоянии бессознательности заметить их подмены.

Истомлённый мучительным сексуальным ожиданием, он, почувствовав женщину, спешно вошёл в неё, и ему сразу стало легко. Душа будто поднялась над миром. Он хватал воздух ликования взахлёб, как утопающий. Она сочувственно обтирала испарину страсти на его лице.

Всё проходило в таком темпе, в котором он себя никогда не знал. Даже первый случай познания женщины не мог сравниться с этим наслаждением. В его жилах бурлила не кровь, а кипело шампанское страсти, и он не узнавал себя. Естественно, кончил быстро, как мальчишка, но тут же возбудился и продолжал снова, и это уже, казалось, длилось бесконечно долго. В полной темноте он не видел её лица и выражения глаз, он ощущал только трепет тела, переходящий в стон, и ласковую благодарность её губ.

Даже тогда, когда она осмелилась говорить, он не понял, что с ним не та женщина, которая его возбудила и только что покинула его.

– Не спеши, не спеши, – шептала гостья. – Со мной несложно и легко, но и быстро не получится. Чувствуй меня. Прижми мне попку, чтобы я тебя почувствовала, у меня кунка не «мышинный глаз», как у некоторых девочек, которых сразу не проткнёшь и без смазки не войдёшь. Я также не отношусь к мгновенно кончающим женщинам, которых может удовлетворить любой мужчина.

Он её бред не слушал или, скорее, не слышал, а был в каком-то неземном состоянии. Она тем временем что-то продолжала говорить, довольная тем, что он один раз уже закончил свой акт, но снова продолжал. Этого первого раза ей уже было достаточно для зачатия. Однако она, решив перестраховываться, стала содействовать его страстному желанию. Оно льстило её женскому самолюбию.

– Есть женщины, у которых матка близко, её и пальчиком можно достать, – с усмешкой в пылу его страсти пыталась рассуждать она. – У других она если недалеко, то может находиться сзади, справа, слева, поэтому у каждой своя любимая сексуальная поза. Куночки внешне тоже разные, у кого лобок и внешние губки массивней, у кого наоборот, и вся эта прелесть может быть и выше, и ниже в промежности ног. Всё зависит от конструкции бёдер. Эти мелочи красоты женского тела – их самый сокровенный секрет и тайная изюминка. Хотя в принципе все женщины, несмотря на размеры, в целом одинаковы, как и мужчины, и даже кунка молодой ничем не отличается с возрастом от пожилой. К каждой женщине надо привыкнуть и найти свой подход. У меня матка далеко и клитор работает плохо, и его возбуждения я не имею, так что и не мучайся, – просила она и в то же время делала уже другое, что и не воспринималось им полностью на слух и в ощущениях.

Так она просила и просила то то, то другое, и просьбам не было конца. То ей не хватало нежности, то не хватало грубости, то злости, то вульгарности. Он по-прежнему почти не слышал ни её просьб, ни её сексуального бреда, но подчинялся, как во сне, какому-то гласу свыше, и получалось именно так, как хотела она. Эта его неосознанная управляемость и её ощущение полной власти над мужчиной возбуждали её не меньше, чем её внутреннее ощущение мужчины в себе. Для неё любовный акт и любовь поклонения всегда были песней, исполняемой душой, для пробуждения воображения партнёра. Оседлать страсть и возбудить его воображение своим бредом и действиями для неё значило подвести мужчину к излому чувств и ощущений. Это вдохновляло его, и к вихрю захвативших его фантазий она нагоняла воображение, создавая любовный раж меж ним и собой.

Он в те же мгновения не понимал, что его неопишное возбуждение исходит не от физического ощущения женщины, а от какого-то безудержного наваждения, подчинившего всё его сознание и исходящего как бы извне, как будто от какого-то духа, охватившего его сознание. Борьба с ним было невозможно, и он безвольно отдавался полностью этой гипнотической власти. В этой огненной страсти он не пытался снять с глаз повязку, так как с ней не чувствовал глазной боли.

И даже несмотря на то, что он слабо ощущал обжим своего тела в ней, он всё равно инстинктивно подчинялся её просьбам и действиям рук. Как голубь, подбирающий крошки с её рук, он то прижимал пальчиками ей попку и живот, то готов был и сам с головой спрятаться у неё меж ног. Она стремилась дать максимальное количество удовольствия ему, а он ей. Всё

эти ощущения были не только мгновениями наслаждения, а были чувственным отражением одного в другом.

Когда он прижимал ягодицы, то чувствовал, хоть и слабо, как его орган нижней частью головки ощущал нежность её внутреннего тела, и оно то хотело втянуть его в себя всё больше и больше, то наоборот.

Эти чувственные ощущения пульсирующего проникновения наконец её возбудили. Он тут же внезапно почувствовал сильный обжим своего тела. От этого она, слегка вцепившись в его грудь зубами и со стоном наслаждения наконец как будто провалилась в нирвану, кончила. Боли от её зубов он не почувствовал, так как тоже почувствовал оргазм, который вырвался с сильным стоном, и она с испугу даже прикрыла его рот ладонью. В конце рассмеялась и, извинившись за прикус, сказала, что получила большое моральное и физическое удовольствие.

– Вот видишь, как даже малоподходящие физически друг другу люди при определённых условиях могут получить массу наслаждений, – произнесла она и, откинувшись на постель, стала читать какой-то стих:

Гуди-буди, буди-гуди,
Ой, какой массаж на груди.
То губами, то руками,
Вот по шее с волосами.
Что-то ищут, вот уж ниже,
Ну, помягче, ну, потише,
За пупком, в ногах карнизе.
Чем нежнее, к душе поближе.
Сласть сердечная внутри,
Выше, ниже, подожди
И опять давай люби.
Порыв счастья, как беда,
Закрутил вихрем меня.
Я расслабилась слегка,
Отдаваясь ему вся,
И как будто без ума.
То оттолкну, а то ласкаюсь,
То поддаюсь, то не решаюсь
И в наготе стесненьем маюсь.
Ну вот уже огонь во мне,
И ноги не свести вообще.
Ну, ещё, ещё немножко,
И я кусаюсь, где-то больно.
Ещё немножко,
Ещё чуть-чуть,
Гуди-буди, лаской будь.
Кипенье страсти, бьётся суть.
Ура! и в стоне бьётся грудь.
Ещё, блаженство, со мной побудь
И поласкай истому чуть.
Лежу в оцепенении,
Уходит чувств кипение.
Как хорошо, и благодать,
И всё опять хочу начать.

Так зародилась жизнь во мне
И стала радостью судьбе.
Великий грех свершила я,
Но благодарна жизнь была.
Так я продлила жизнь свою
И этот миг благодарю.
Для счастья жизни на земле
Я грех ласкала на себе.
Счастье и грех, как это странно,
Но жизнь зачата, и прекрасно.
Бог, не грозите мне перстом,
Прекрасней стала жизнь вдвоём.
Ну ладно, ладно, отмолю
Я первородный грех в раю.
И обратно гуди-буди
 Попрошу, как счастья люди.
Любите все, а не стреляйте,
Кровью жизнь не поливайте.
Тысячи способов жизнь есть убить
И лишь в порыве страстей возродить.

* * *

Он её не слышал или слышал очень слабо. Свалившись обессиленным снопом навзничь, он, парализованный томительной негой наслаждения, тоже лежал в астральной истоме. Сорванная уже с глаз повязка валялась рядом. Однако он продолжал лежать с закрытыми глазами и ничего не хотел видеть, и больше не от того, что не мог их открыть, а от какого-то блаженства, связавшего всё тело. Она достала из-под подушки маленькое полотенце и заботливо в темноте на ощупь стала обтирать его прелести. Он не сопротивлялся. Сильный пол лежал обессиленным трупом в этой полной темноте и с закрытыми глазами, выражая своё высшее блаженство жизни многозначительным молчанием.

«Ну вот, я всё-таки справилась с этой непокорной мужской плотью», – подумала она и подложила себе подушку под зад, чтоб мужское семя не отпрыгнуло её плоть. После чего тоже успокоилась.

Молчала она недолго.

– Вот видишь, мы всё-таки дружно добежали до канадской границы. Ты оказался сильным мужчиной, раз справился с моим оргазмом. Я как будто вновь возвратилась к жизни, на такое и не рассчитывала, это предположить было трудно. Как правило, кончаю только с одним мужчиной, ты оказался вторым. Вот и выходит, что даже при отсутствии физической совместимости и даже без страсти любовь, по большому счёту, сотворить всё равно можно.

– Повторим? – прошептал он томно, сквозь дремоту отречённости.

– Мне больше не надо. Я своего добилась.

«Может быть, наконец, забеременею», – надеждой осенила её мысль, но вслух этого не произнесла. Она знала, что беременности на стороне мужики страшатся, как чёрт ладана, так как это становится для них ненужным бременем и ответственностью, даже если женщины готовы это скрывать и не обременять их сознание этим фактом.

– Теперь, мой господин, тебе нужен полный покой и большой отдых, – с заботой произнесла вслух она. – Только после этого твоя тряпочка превратится опять в уважаемую вещь. Даже если поставить пистолет и сказать ему стоять, он уже не скоро встанет.

До сих пор он не давал себе отчёта, что с ним лежит не та женщина, которая взбеленила его кровь, и обратился, как будто к Шаманке:

– Проверим твоё убеждение? Такая, как ты, зажигалка заставит подняться даже труп, но ты ещё и благодарная натура, эгоистка никогда не позаботится о мужчине после полового акта. Эту заботу она предоставляет ему самому.

Он протянул руку, чтобы нащупать её и приблизить к себе, но она уже отодвинулась и собралась уходить. В темноте рука только коснулась какого-то большого мокрого пятна на простыне.

– Тут мокро. Это что?

Она, усмехнувшись, сказала:

– Это так расплескалось моё море счастья, когда ты в нём купался, а вообще, я так кончаю. Но тебе это видеть не надо. Спи. Приду, – и, быстро сдёрнув простыню, скрылась в дверном проёме.

Он действительно мгновенно уснул, так и не дождавшись её.

Проснулся он от нежных поцелуев. Открыл глаза. В комнате было светло. Перед ним сидела Анна.

– Ну как спалось, герой? Уснул за чтением «Пустыни» али как? – улыбаясь, спрашивала она, указывая на альбом, а сама, скорее, пыталась узнать реакцию на проведённую ночь и понял ли, с кем переспал.

– Какая оказия, – ответил он и замолчал, внимательно рассматривая её, потом, чтоб не раскрывать случившегося ночью, рассмеялся. – Это предположить было трудно, – выдерживая паузу, чтобы сообразить, ответил он и кивнул на альбом. – Ты что та дивчина Дайбай из этого альбома, которая ползла по пескам и глотала капли собственного пота, чтоб не умереть от жажды?

Она не стала ему отвечать, и он, не дождавшись ответа, продолжил, обращаясь к ней на «ты»:

– Да, я его читал с большим интересом, но не успел дочитать и хотел бы услышать от тебя его конец.

– Фу, как грубо, – так же на сначала на «ты» отреагировала она. – Обижаешь. Хоть это была и как будто не совсем я, а дама, чем-то напоминающая меня, но всё равно не отзывайся так обидно. Подобный случай познакомил меня со своим мужем. Он в этой истории был тогда похожим на попутчика у водителя-узбека. После этой истории, когда мы вернулись из поездки от буровых в город, стали жить вместе. Он ухаживал за мной после обезвоживания тела, так что посредников для знакомства не потребовалось. Мужики, которые знали его, всегда спрашивали, как я его терплю, и они докучали своим любопытством больше всего. Мне же только его и было надо, чтоб я сексуально успокоилась, но неприятно было то, что наши интимные особенности были открыты, и мы, чтоб скрыть память обо всём, уехали.

– Да, я бы вряд ли мог справиться и удовлетворить такую даму, как вы, – удивляясь и уже перейдя на «вы», сказал, почёсывая свой затылок, Арабес. – В ваше отсутствие приходила и лечила любовью некая красавица, или ваша подруга, ну, настоящая шаманка, она и сотворила чудо.

– Выкиньте эти мысли из головы, забудьте, и больше не сомневайтесь, и не думайте так, – заявила она, делая вид, что о истине произошедшего ничего не знает. – В эту ночь я наверняка могла бы получить удовольствие и от вас, без участия моей подруги. Вы же оказались сексуально бессильным, на вас лежало какое-то заклятье. Однако убедилась, что чудеса в моём доме живут и всё возможно. Главное в нашем деле – сильно захотеть, что даёт повод думать, что чудо всё-таки случилось, как я и обещала, вам вернулось сексуальное «могу», хоть вы его, казалось, и потеряли.

Он посмотрел в зеркало, висевшее против кровати, с нескрываемым удивлением воскликнул:

– Ячменя на глазу нет. Ура! О, прекрасная дама действительно ведьмушка, ведь и правда вылечила. Поразительно, но факт, и это уже действительно чудо.

– Это одна из моих девчонок. Тут зона рядом, и поселение осуждённых недалеко. Мои девчонки обслуживают и их, и тех, кто на бесконвойном режиме, иногда даже в рабочую зону заходят, чтоб обслужить. Правда, расчёты идут через меня. У нас здесь на поселении общий друг с зоны был, он с мужем практически всё это и организовал. Сейчас одного нет, откинулся и уехал к себе, и прежней крыши не стало, а без неё сейчас опасно. Вот и пытаюсь бизнесу новую крышу найти, но даже с ней он считается сомнительным. – Она задумалась и, особо не озадачиваясь тем, что обращалась к нему, когда ей удобно, и на «вы», и на «ты», продолжала: – Может, тоже уехать? Не знаю только, куда. Хочешь, к тебе в Москву? Организуем там твой храм любви. Девочки будут центровые. Для этого дела у них есть всё, внешний лоск, и даже душевное очарование будет, хотя это им скорее помеха. Оно создаёт привязанность, откровенность, а это в борделе тоже не нужно. Женщины-роботы с внешним блеском и красота мяса, вызывающая страсти, но с гробовой душой – вот коммерческий идеал дела для мимолётного наслаждения.

– Храм любви, как и ранее утверждал, это всё-таки громко сказано, – повторил опять он, вспомнив прежние с ней беседы. – Всё связанное с ним должно приводить к святому порядку и чуду. Особо если мы имеем в виду сексуальные свободы, то не разгул должен быть в нём, а скорее забота о любви и служение продолжению человеческой жизни в новых категориях святой морали семьи без имущественных оков. Только в этом смысле необходим не храм любви, а храм семьи-любви. Только в этом, видимо, и есть смысл жизни, – то ли разъяснил, то ли осмысленно намекнул ей о чём-то существенно новом, о чём они говорили раньше, когда он только появился в её доме, но как-то обошли сущность проблем семьи.

– Я думаю, можно считать и думать о моём салоне и как о храме семьи. Смысл любой свободы в том, чтобы высвободить энергию сердца, как песню, которая должна возвышать узаконенное соединение между мужчиной и женщиной. А если вы хотите это видеть только в рамках семейных понятий, то тут проблем нет. Это даже интересней, я смогу перестроиться и на оформление длительных гражданских связей, с проведением как традиционных, так и нетрадиционных свадеб, и контрактных семей на некоторое оговорённое время. Я вам объясню позже, что понимаю под такими контрактными семьями.

Тут она замолчала и предложила перейти в другую комнату. В этой комнате, заметил он сам себе, он ещё не был. Сев за маленький, как будто бы уже знакомый ему сервированный столик, увидел, что посередине комнаты опять появился такой же, с изображением сердца, шарик, один из которых с надписью «Хочу» он по неосторожности хлопнул прошлой ночью. Подобный шарик стал кататься по комнате, то увеличиваясь в размере, то уменьшаясь. В полумраке зазвучала приглушённая музыка, и по стенам побежали такие же мигающие огоньки, какие он уже тоже видел. Анна поманила шарик к себе, и он подкатился к ней.

Арабес, увидев это загадочное явление, покачал головой, произнеся задумчиво:

– Я, кажется, ещё сплю, хотя вроде и проснулся, тогда здесь витает волшебный дух.

Хозяйка подняла шарик на коленки и погладила, как кота, после чего он опять соскочил на пол и покатился в угол.

– Вас опять удивляет «уко». Это говорит лишь о том, что здесь скоро может появиться шаманка, которая вылечила вас от большого глаза и любовного сглаза. Это её призрак духа любви, который она на время подарила в подчинение мне.

– Чудеса и только, как в сказке, – произнёс Арабес. – Я не знаю, какое её настоящее имя, но если шаманит и чудеса творит, то пусть Шаманкой по кликухе и будет.

– Ну вот, а вы сомневались, что моя хата не храм любви. Чудеса есть и кудесники, а вы сами сказали, что они могут происходить только в храме.

– Надо полагать, – ответил он, – но это, скорее, не храм любви, а храм расставаний с одиночеством, где интимные отношения могут быть только как следствие заказанной надежды

на досуг любовного общения. В предлагаемом храме должна быть рядом с чудом ещё и душа. Где же только отношения «товар – деньги», души не будет. Если здесь только развлечения, то это же чистой воды бордель, а я говорю о храме как развитии и охране семьи.

– Здесь надо определиться, – возразила она, – что и как называть. Правильное определение может быть только подсказано жизнью, а не иначе. Вот «уко» любви, как ваше «хочу-могу», которое вы хлопнули прошлой ночью, есть этот шарик. Он остался и, прижившись у меня, будет жить и дальше как «уко» духа любви. Не каждое женское тело и душа так приживается к сути мужчины, и не всегда женщина становилась храмом его души. В ней, а точнее между ними, должно летать такое же «уко», как загадка очарования. – Она оттолкнула подкатившийся к ней шарик и продолжала излагать своё мнение: – Для женщины храмом всегда была любовь, и забота мужчины о ней и о её детях – это основа семьи.

Арабес, не соглашаясь с ней полностью, стал возражать, произнеся, задумавшись:

– Я опять невольно вхожу с вами в дискуссию, хотя хочу взглянуть на всю вашу затею по-другому. Сомневаюсь только, что у вас другое что-то получится, а дом терпимости как ни называй и кровати в нём ни меняй, если порядки в нём останутся прежними, дамы ангелами не станут.

Это её возмутило, и она раздражённо ответила:

– Проститутка, продавая своё тело, делает его храмом страсти, где отдыхает душа мужчины. Однако, если надо, можем продавать любовь для семьи, это благородней, чем продавать только тело. Насыщение телом достигается в мгновениях доступности и очень быстро. Насыщение любовью всегда более продолжительно, а иногда и бесконечно. Творить и учить дарить любовь – это удел храмов, и только им под силу ею вершить жизнь, и что бы и как бы это ни было, на время или на всю жизнь, – зависит от человеческой души и её желания. Вечная любовь всё-таки не истина, и для такой гармонии в обществе нужно соответствие мужчин и женщин. Так как такое невозможно, нужна и мораль пострига в одиночество счастливого общества одиноких.

Она излагала свои мысли, а шарик, ем временем медленно выкатился из угла, куда он закатился от неё, и раскатывался посередине комнаты, будто всю комнату слегка покачивало из стороны в сторону. То ли это была его иллюзия, вроде обмана зрения, в ощущениях покачивания в голове, то ли его действительно качало, Арабес понять не мог. Она тем временем продолжала:

– В жизни зачастую имеет место безнравственный обман надежд из-за душевного несоответствия. В отношениях преобладает борьба у одних с желанием завладеть телом или деньгами с кощунством над душой, что является властной любовной игрой, у других – охота за мигмом любви, как развлечение купленной деньгами.

Почему нельзя предложить блюдо любви, и получить деньги за качество заказанного блюда, и просто страховать заказанные отношения? Даже Пушкин утверждал, что если нельзя продать вдохновение, то рукопись можно, и почему нельзя застраховать купленное и согласованные намерения, а придёт или родится вдохновение любви – это уже другая, божья проблема. Тут главное – застраховать и соблюсти формальность условий согласия и тем самым создать на застрахованный период отношения любви. Это значит, можно иметь застрахованную и морально согласованную семью. Страховки такого рода станут камнями всевластия на земле и сменят власть мира физического насилия.

– Ну, это опять громко сказано, хотя страховка отношений может быть интересной формой брачных уз, – заметил он.

Она же в подтверждение сказанному рассказала ему стих «Семья»:

Барыня легла и ждёт,
Когда барин к ней придёт.

«Почто радость его ожидает,
Он же Милашку в конюшне ласкает,
Видно, мёд она ему,
Совсем забыл про госпожу», —
На ушко доложил слуга
И улёгся под бока.
Вот вам старая семья,
Что в разводах не жила.
Современная семья
Далеко ль от ней ушла?
Но разводами богата.
Может, в этом она свята?
У бога вновь вопрос встаёт.
Страховать мораль зовёт,
Чтоб после этого семья
К разводам была тяжела.

* * *

– Вот-вот, и опять прежний компот. Страховка же снова имущественный гнёт.

Она возразила, сказав, что страховку можно получить любому, и необязательно с денежной ответственностью, но и под гарантию доверенных лиц. Для этого нужно только создать обряды посвящения в ту или иную форму застрахованных отношений, которые могли бы разрешать тот или другой согласованный дух семьи на какое-то время вместо ничем не гарантированных ныне гражданских семей сожительства. Без храма религии это сложно.

– Помню одного нашего морячка, рассказывал, будто вышел в каком-то иностранном порту прогуляться, увидел: дама красивая у дома стоит и улыбается. Стал заигрывать, а она «нельзя» говорит: «У меня контракт с одним мужиком, нарушу – неустойку платить буду. Через три дня кончится, и я свободна». Пришлось ждать.

А разве не об этом тоже говорилось в фильме «Пятьдесят оттенков серого»? Там между главными героями был заключён контракт на любовный союз с определёнными условиями отношений. Только там договор заключает фирма главного героя, а я считаю, его должна оформлять специальная служба ЗАГСа или даже любое юридическое лицо, если не группа лиц, выступивших гарантами перед ЗАГСом. Иначе, пустив всё общество на панель неформальной стихии свободной любви, можем потерять его моральные ориентиры. Разве нельзя допустить какие-то формы семьи на таком моральном контракте в пробном или гостевом браке, не отрицающая возможности перерасти этим отношениям в традиционную семью? Как вариант полигамных отношений может быть и контракт соответствующего брачного союза, не допускающего развода. Не будет полного разрушения семьи, а получится какие-то новые и дополнительные её узаконенные образования.

Она замолчала, и в разговоре образовалась пауза. Тут, воспользовавшись ей, она усадила его уже за сервированный угощениями стол.

Выдержав паузу, Арабес прервал тишину, уже попивая непонятный ему напиток, похожий на кофе:

– Вот я и думаю: почему же застрахованный моральный контракт согласия с любой одинокой женщиной не может быть не только узаконенной формой сексуальных отношений, но и некой временной семьёй? В этом виде она неким образом может быть образом новой жизни и тем же поясом святости. Мне нравится такой, хоть и весьма спорный подход.

– Более того, – подхватила его мнение она, – гостевой контракт с таким общением может быть профинансирован, заказан и даже навязан женщиной. В таких отношениях можно допускать любой эксперимент свободного счастья.

Он покачал головой то ли от несогласия, то ли наоборот, то ли ещё от чего. Поковырялся в закуске, стоявшей на столе, и наконец, выпив вина, сразу налил себе ещё и произнёс иронически:

– Эту мысль надо запить, с такой надеждой легче жить.

Она усмехнулась на его реакцию, не понимая, то ли он поддерживает её, то ли нет, но составить ему компанию отказалась и, подойдя к установленному шесту, что используют для исполнения эротических танцев, стала иронически имитировать кружение вокруг него. Прodelав некий моцион танцовщицы, всё-таки решила продолжать свою мысль, которую, ей показалось, он принял как не совсем абсурдную.

– Более того, молодым девчонкам и женщинам до тридцати сексуальные контрактные отношения должны оформлять в обязательном порядке. От тридцати до сорока за неоформление и необоснованный отказ от сексуальной жизни, когда ей предлагают претендентов, нужно вводить штрафные санкции. Мужчинам за сексуальные связи с этой возрастной группой женщин надо делать какие-то доплаты от тех денег, которые могут быть получены от конкуренток раннего сексуального возраста. Только вот такое невозможно, а я бы женщинам свыше сорока дала бы полную свободу, чтоб они свои сексуальные отношения даже могли нигде не связать и не узаконивать никак, – продолжила мысль она. – А вот девочек, которые к серьёзным отношениям не готовы, а бредят только развлечениями, для пробных сексуальных отношений могут устроить пробные контрактные семьи. Пробную связь можно и венчать голубыми кольцами надежды, и все побегут под это кольцо, как тараканы под плинтус. Негласный гостевой брак на какой-то период с такими дамами вполне мог бы устроить многих мужчин. К сожалению, в жизни таковых юридических форм пока нет.

Высказавшись опять столь категорично, она оставила шест и, вновь поймав свой шарик, попыталась катать его по рукам. Он, однако, вдруг соскочил с её рук и покатился по полу в сторону от неё. Арабес с изумлением молчал, наблюдая за этим. Шарик, словно дух любви, возбуждённый таким мнением, вдруг как будто даже сдулся и снова стал кататься из стороны в сторону, будто вся комната опять потеряла равновесие. Только это его уже не удивляло, а больше всё-таки его возмутило её суждение, и он возмущённо заявил:

– О, дух любви негодует, ему не хватает внутри святого благодатного огня, – и опять с улыбкой заметил, указывая на «уко» любви: – Видите, откатился. Значит, всё-таки будет согласен со мною, если несогласен с вами. Выходит из вашего утверждения, что даже обоюдное согласие по моральному контракту не покончит, а лишь может узаконить неравенство сексуальных, брачных и прочих любовных связей, и по божьему велению, и по любому узаконенному велению. Кроме всего, моральные отношения как контролировать? Это внеправовая категория.

Анна усмехнулась и хотела что-то сказать в своё оправдание, но он её опередил:

– Значит, для полного ощущения счастья вы готовы продавать если не тело и даже не застрахованную любовь, как в беседе прошлой ночью, а страховку свободных форм брака. Это же та самая интимная свобода с гарантией во времени, обусловленном своеобразным моральным контрактом согласия отношений. Только кто же это право готов контролировать? Ведь в групповом браке, видимо, будет необходимо устанавливать и контролировать период верности каждой жене, так, что ли?

– Может быть, и так, только на этом поле не должно быть места обману и разрушению традиционной семьи как высшей ценности, – уточнила она.

– Удивляюсь не тому, как всё сложно, а тому, как вы быстро меняетесь от одного абсурдного видения к другому. Как бы там ни было, это всё та же завуалированная свобода

вашей свободы с продажей любви под видом временной контрактной семьи-любви, как вы назвали. Любые свободные товарные отношения в интимной сфере всегда развращали цивилизации. От этого погибла Римская империя. Общество вновь может постигнуть участь Содома и Гоморры, если бог не увидит в нём ни доли праведности, – заметил он, дополнив: – Со мною можно соглашаться или не соглашаться, но это уже другой вопрос.

– Да не кудахтайте вы. Может быть, и так, но вот и пусть всё старое летит в тартарары, и чем скорее оно гавкнется, тем лучше. Только на обломках старого может вырасти новое. В моём варианте это не хаос, а уже согласованная, контролируемая и управляемая ситуация.

– Вы считаете страховку отношений временных форм брака с моральным контрактом чем-то новым?

– Подумайте, подумайте сами, – отвечала она ему. – Мир придуман не вами и не мной, имущественные контракты есть, так почему не могут быть моральные и без заключения традиционного брака? В этом мире если нельзя продавать женщин и их любовь, то почему нельзя продавать право на любовь и новую форму семьи? Даже неразделённую любовь, как дар за влюблённость, лучше иметь по любовному контракту со страховкой. Это можно как считать продажей в собственность на время, так и не считать таковой, а лишь приобретением в ограниченное пользование, если не в рассрочку. Контракт – это как аренда отношений и права на взаимное любовное общение с доступом к телу, а может и без – платоническое. Выдача же замуж традиционно была тоже чистой продажей, с обязательным доступом к телу, но уже с правом полной собственности. Недаром сваты говорили: «У вас товар, у нас купец, пришли мы сватать под венец». Калым, приданое – это уже явная узаконенная скрытая сделка купли-продажи. Жена как движимое имущество мужчины – разве это не узаконенный Содом? Потому и ревность в институте собственности развивается оттого, что идёт от чувства эгоизма и потери собственности.

Только в подходе на контрактных моральных связях мы можем укротить хаос и стихию интимного разгула. Главное в том, чтоб все улыбались и радовались в законной свободе, а не плакали от осуждения. Кто, когда, где и почём – это уже вторично, хотя женщины всегда продавались с возраста, когда уже шапкой сбить было нельзя. Однако даже проданные так или иначе за калым или полученные с приданым в замужестве себя собственностью считать не желали. У нас на Руси женщин даже в жертву богам приносили, а при татаро-монгольском иге дань порой девками отдавали, так и откупались. Они на них очень уж падки были.

– Да вы в этом уже повторяетесь, и это неудачное объяснение. В разные времена по-разному были оценки вынужденных поступков. Может быть, я устарел? По закону ныне никто уже не продаётся, но закон уже вроде как старается получить права вмешиваться в личную жизнь. Только зачем и по какому случаю это он должен делать, сказать сложно. Святая святых – отношения полов. Кому какое дело, почему так, а не иначе человек решил получать наслаждение от общения и жизни? Однако были времена, когда и царь, и барин своим подданным совместно с церковью давали или не давали права на и брак, и развод, а то и принуждали к тому или другому, карая за нетрадиционные отношения. Вы тоже желаете поучаствовать в этом процессе с целью иметь свой материальный, а не божий интерес, хотя прикрываетесь необходимостью всеобщего счастья.

Анна с загадочной ухмылкой молчала в ответ, то ли не хотела оправдываться и возражать, то ли посчитала лучше промолчать. Видимо, это было её правильным поступком, оттого что поняла: он не выдержит её молчания и будет дальше обвинять или размышлять на эту тему. Он действительно что-то в этой связи вспомнил и продолжил:

– Если на заре советской власти теория стакана воды предполагала секс между комсомольцами простым утолением жажды, как глоток воды, то никакой коммерции, ни контроля не предполагала. Во времена же Пол Пота в Камбодже, когда было раздельное проживание полов, в одной деревне мужчины, в другой женщины, и им разрешались свидания с рекомен-

дурными дамами за трудовые успехи, то это был сексуальный контроль, и своеобразная селекция народонаселения, и своеобразный стимул к труду. Дети при этом являлись собственностью государства, и воспитанием намеревалось заниматься оно. Институт личной собственности ни на детей, ни на дам, ни на мужчин не распространялся. Что-то было недодумано и оттого абсурдно. Где истина, надо соображать. Может быть, действительно лишить всех права личной собственности и разрешать её только по лицензии? Вместе с лицензиями на право пожизненного или временного пользования дамой давать лицензии и на воспитание, и даже на любовь и секс?

Она наконец от души рассмеялась, и огоньки, скрытые в стенах, интенсивно замигали разными цветами в такт её смеху. В это время ему показались они тоже управляемыми, как и движение шарика. Их мигание, как такое же мигание прошлой ночью в другой комнате, изменяющее изображение картин, ныне уже напоминало другое. Ему показалось, что всё это: и мигание лампочек, и движение шарика – связано с какой-то неуловимой энергией витающих мыслей или дамских действий. Они будто влияли на шарик и сами как-то реагировали на то или иное высказывание. Когда Анна сказала, что нужно допустить кому возможность полной собственности, а кому только возможность влияния через патронаж, шарик покатился к ней. Уже когда, лаская его, говорила о том, что запрещать любить нельзя никому, ни детей, ни возлюбленных, в любых формах и случаях обожания, то шарик будто стал даже больше. Для неё любовь была песней души, которую убивать как душевную собственность нельзя, какой бы она ни была, так как считала её даром богов. Утверждала, что сексуальную связь всё-таки контролировать необходимо и нужно и не путать её с любовью, как и не путать мух с котлетами.

Арабес слушал и воспринимал её по-разному. Для него любовь была просто состоянием души. Понимал, что её можно приобрести только поступками, и только ими можно приобрести женщину в собственность как жену, на всю жизнь. Вот как и за что её законно получить во временное пользование, если не покупать по моральному контракту, для его теоретического склада ума было не совсем ясно. Он то так, то иначе начинал думать и искал оправдания то тому, то другому мнению. «Если бы была такая возможность с оформлением семьи на любое время в один час, а не с месячным ожиданием, то, кто-то бы, считал он, и отдал, наверное, предпочтение этим возможностям. Была бы она тогда партнёрской сделкой с ограниченной собственностью или чем-то другим, он не мог для себя уяснить. Собственность, как чемодан без ручки, нести всегда тяжело и бросить жалко, а тут закончился контракт – и свободны, а нет охоты – пролонгируй его, если, конечно, будешь иметь право и обоюдное желание. Постоянство же должно повышать социальную значимость каждого на получение тех или иных удовольствий, почётных званий и продления жизни в вечность. Вроде бы в уме всё срасталось, но тогда нужно и собственность на детей отменить или как?» – мысленно спрашивал он себя и, махнув в конце на эти думы, подхватил подкатившийся шарик, прижав его к груди, стал гладить, как живое существо. Тут ему показалось, что он издал знакомый голос ночной Шаманки и как будто даже запел её голосом. От неожиданности он оттолкнул от себя шарик, и он покатился по комнате. Судорожно помотав головой, попытался освободиться от этого явления, как от наваждения. Знакомый голос сразу перестал звучать.

Анна не обращала внимания на его странные отношения с шариком и его почти шоковое состояние и продолжала:

– Однако сексуальную стихийную торговлю как порочное явление моральный контракт в любом виде семьи точно упразднит, – продолжала настаивать она, восстанавливая нить их беседы, будто отвечала на его размышления.

Арабес, понимая всю нелепость своей ситуации, на её утверждение о моральном контракте как спасительном круге в бушующем мире любовных и семейных отношений, произнёс в своём раздумье:

– А хорошо ли всегда и во всём иметь определённый контроль? Особо отдаваться любой возможности контроля отношений, наверное, не стоит. Такое, допустим, уже в отношениях с нетрадиционной ориентацией, наверное, неуместно? Ведь если нельзя без разрешения входить в дом и лезть под юбку и в штаны, то насколько будет морально оправдан такой контроль во всём?

Отреагировав так неуверенно на её замечание, он как будто освободился от своего минутного наваждения, которым пытался скрыть свою растерянность от загадочного голоса и поведения шарика. Скорее всего, это было оттого, что не знал, как всё-таки воспринимать подобные чудеса.

Усмехаясь над его поведением, Анна тем временем продолжала:

– Не заморачивайтесь этой проблемой, это будет мешать вам быть самим собой. – Успокаивая так его, она то ли отвечала на его замечание, то ли предостерегала от излишней реакции на проделки шарика.

– По моему женскому скользкому понятию, – продолжала она, – институт парного брака, который формировался на всю жизнь с имущественным обременением, уже устарел, и его надо дополнять чем-то более существенным, отвечающим условиям мобильной жизни. Эта мобильная жизнь требует и соответствующей морали, хотя для стабильности условий исключать традиционный подход нельзя. Государство ныне в интимном хаосе, и его мораль давно на его распятии. Так или иначе оно погрязнет в бессмысленной борьбе с ним. Я считаю, что оно сдуру упускает свои деньги от свободы отношений, и потому они являются левой вульгарной наживой, работающей против него. Нам нужно с умом подойти к этому, а не открывать откровенные бордели и преследовать их. Любой моральный контракт, даже оплаченный односторонне, может дать какие-то гарантии и регламентировать эти отношения, за нарушение которых можно требовать неустойку с обеих сторон. Мало того, что это может дисциплинировать отношения, но и в незаконном гражданском сожительстве дать гарантии женщине, где ныне гарантия – только совесть. Если же незаконное сожитие, но по обоюдному согласию признавать нарушением морали, то женщины любые свои отношения будут всё-таки стараться узаконить, хотя бы неким гражданским контрактом. Многих может устроить даже тайный моральный контракт с женатым мужчиной, а это уже не аморальное б... ство, а скорее полигамность, а многожёнство у нас законом уже не преследуется.

– Кто виноват и что делать? Извечный русский вопрос, – риторически произнёс он. – Узаконить полигамность в браке – христианство не пойдёт, но других юридических форм, кроме как контрактным согласием с узаконить полигамную семью и секс, пока нет. Между тем даже расторжение традиционного брака раньше осуждалось строго. В советское время расторжение позорили объявлениями в газетах. Юридический абсурд. Женщины всегда нарушали это единственное право и гуляли напропалую, рожая незаконных детей, хотя морально они рожать без осуждения не могли, и скоро эту мораль стали считать безрассудством. Может, и ныне что-то нужно посчитать безрассудством.

– Когда войны вырезают мужчин, человеческие законы против природы бессильны, – поддержала его мысль она. – Совесть мужчины всегда в ответственности перед новой жизнью и богом, это единственная их гарантия для поддержки. Полной правовой и моральной ответственности нет, и в случае обмана надежда у дам только на себя и свои силы.

– Если жизнь – это божий кредит времени, выданный каждому человеку на реализацию своих талантов, продолжение рода и утоление сердечных мук, то чья вина, – опять задал он, будто уже себе, вопрос, – если в рамках обезличенных человеческих законов он не может реализовать этот кредит счастья как хочет?

– Вот вы и сами задумались над тем, кто же будет за этим всем следить и беспокоиться. А ведь когда я говорила о храме семьи, кажется, уже предлагала решение.

– К сожалению, оно не предполагает механизма решения, и необходима соответствующая идеология, – отвечал он. – Ведь если даже возродить пионерские и комсомольские организации, мораль любовной сферы им будет чужда, а до религии дорога далека.

– Если невозможно, но очень чешется, то и кобыла с ослом поженятся, – иронически заметила она. – Под божьим оком можно контролировать отношения любой юной увлечённости. Эти отношения можно формировать так, чтобы все были хорошими хозяйками, кавалерами и отцами. Нужна соответствующая задача и работа исходя из того, что хочет иметь общество, не попирая социального счастья. Переход границ дозволенного происходит потому, что нет моральных кодексов чести и табу недозволенного. Если хотите, я бы страховала девичью честь и невинность до посвящения их в женщины. И почему какие-то моральные скрижали нельзя контролировать и воспитывать в ризах святости?

– Однако это только оригинальная мысль. Нужен мессия и помазанник божий, чтоб в его моральных канонах можно было это творить.

– Не надо с таких высот желать решения этих желаний. Если государство неспособно решать эти задачи, то нужно создать своё сообщество и обосновать свою мораль, как преступное сообщество, им и карать за отступления от имени своих богов.

– Это абсурд, государственная машина сотрёт в порошок, и в истории от вас останется что-то подобное картине Сурикова «Боярыня Морозова».

– Наше государство пытается решить проблему счастливого общества, но предлагает решать её в противогазе запутанных рассуждений нравственности, под зонтиком аскетической морали. Притом старается, чтобы люд чувствовал страсть и красоту любви в перчатках нашего обезличенного равенства. Это всё равно, что стараться мацать даму в перчатках, не почувствуешь прелести тела. – Высказавшись таким оригинальным образом, она сама усмехнулась над тем, что сказала, и решила подтвердить сказанное более образно: – Сухов в фильме «Жёлтое солнце пустыни» пытается дать свободу дамам гарема, а дамы к этой свободе вроде как и не стремились, им как будто было всё равно, кто их муж – Саид или Сухов. Каждая из них с вожделием ждала возможности стать любимой женой в момент его хотения, чтобы наконец получить миг любви хозяина, а кто хозяин в данный момент, их даже не волновало. Не надо навязывать единых свобод тем, кто их не ищет и ощущения счастья в них не получит. Если право на счастье не определяет повелитель, свобода становится средой вражды. Так что свобода, равенство вместе с братством, к которому стремился привести гарем Сухов, превращается в блеф. Без ощущения любви и индивидуальной значимости личного счастья не бывает.

Он, обдумав сказанное, вроде как согласился с ней, но сделал замечание, что фильм – не «Жёлтое солнце пустыни», а «Белое». Потом, подумав, решил уточнить:

– А как же с всеобщим счастьем? Неужто его нельзя сотворить или делать как говорите?

– Это Сухов повёл их в утопию счастья, как и всеобщего равенства. Для того чтоб кто-то ощущал себя счастливым, нужно, чтоб кто-то был несчастным. Это чувство приходит в сравнении.

– Значит, и ответственность должна быть разной. Только государство и право, на котором сегодня стоит мир, не знают, как создать границы морали и права свободной любви. Если мораль у всех будет разная, то и свобода и право должны быть таковыми. Где должна кончаться свобода одних и начинаться свобода других? Кто должен быть судьёй и как судить? Вопрос непростой, и я себя спрашиваю, нужна она или нет, и в чем её смысл, – закончил он и замолчал, словно задумался.

К нему подкатился шарик. Он решил его опять поймать, но он неожиданно откатился в сторону. Тогда он с досадой продолжил:

– Я тоже, как этот шарик, готов отскочить или страусом засунуть голову в песок и на этот важный вопрос морали в любви, а значит и на понятия человеческого счастья, не реагировать. Право на разные моральные нормы посредством их согласования, видимо, нужно оставить

будущему обществу, его общественным судам и общественным представителям, с которыми эти моральные нормы будут согласованы, тогда всё будет в ажуре.

Она, весело похлопав ему за сказанное, предложила всё-таки за это выпить. Когда он налил, она, отпив глоток от переполненных краёв бокала, уселась за пианино. Проиграв неизвестный напев, снова сделала глоток вина и, поймав шарик «уко», подкатившийся к ней, капнула на улыбающееся на нём сердечко вином. «Уко» будто выскользнул из её рук, как захмелевший от валерьянки котёнок. Она усмехнулась и с досадой продолжила его мысль:

– Вы как будто говорите о некоем будущем правовом обществе, которое должно разрешать разные моральные нормы, и вот я, подыгрывая вашим рассуждениям, спрашиваю: почему же не могут существовать согласованные и застрахованные свободы прав на плотские и прочие союзы уже сейчас? Просто государство ныне заниматься этим не хочет или не может, если не считает дурятиной.

– А я согласен с этим и думаю, что могут быть разные свободы, чтобы только не хаос и стихийный их разгул. Однако даже те свободы, которые вам кажутся истиной, при системных услугах могут опустошить любому душу. Если даже вы имели бы такую вольную жизнь, то вам пришлось бы быстро возненавидеть и забыть её, как свои скитания по свободе любви. В конце их любой обязательно придёт к необходимости семьи на традиционной истине, с душевной гармонией.

– А я так и создала свою семью и считаю, что семья, созданная божьими ангелами небес, должна возродить мир семьи с заботой о общем, чтоб иметь любовь к себе. Ради этого можно лечь даже и на стреляющую амбразуру. Только государство об этом не думает и считает, что только законами можно управлять народом, или в правящей элите тьмы не хватает свободы другим правом утверждать. Право же спокон веков тоже цену имело и в свободе от рабства, и в свободе от барщины, да и в прочих свободах чего-то стоило.

Божьими ангелами небес можно узаконить, но только моральные свободы. У меня здесь и икона висит в виде кормящей Мадонны, это для семьи, а для любви можно в иконы превратить все картины художника Гойи. Молитвами могут стать и стихи о любви, если их канонизировать. Танцы в некоторых странах тоже канонизированы, и каждое движение в них может нести сакральный смысл, помогающий людям войти в небесные владения любви. В каждом храме были жрицы для знати и простых людей, и они право своё для того и другого тоже должны заслужить трудом.

– Мне также не всё понятно, но «я не я и это хата не моя, или только с краю она», – в этой позиции обвинять государство тоже нельзя. То ли в институтах прозрения не хватает, то ли догмы перешагнуть крепостное сознание мешает. Спрашивается: а на каких правах государство распоряжается свободами народа и его достоинством? Если признать, что руководитель массами – их собственник, как был царь, то это одно, а если глава его и вся свита управляет на предоставленных народом правах оперативного управления, то это совсем другое. Мы кажется, об этом уже говорили прошлой ночью. Добавлю только, что воля как свобода каждого из нас должна быть согласована с волей учредителей государства, а таковыми могут быть только те, кто внёс больший вклад в его развитие.

Она не стала спорить с его утверждением, а припомнила ему опять фильм «Пятьдесят оттенков серого»:

– Вот в нём свобода определена согласиём их контракта, и он должен расставлять границы дозволенного и возможного. Только этим заниматься должны не частные фирмы, а храм семьи и любви Гименея и Эроса – законной и свободной любви, – подытожила она. – Если общество создаст в них службу морали, которую можно было бы назвать религией любви, оно сможет контролировать и регулировать эти отношения, предлагая ту или иную мораль отношений как товар. Можно уже с этой моралью страховать отношения любви и не продавать дам?

Здесь право на ту или иную мораль, как на свободу, должна дариться богом за божьи дела или за божье подношение по душевному воздаянию.

Он опять выразил удивление по поводу её постановки и решения любовного вопроса.

– Этого я точно не знаю и не могу сказать, что этим достигнете своей цели, но именно ради этого выяснения я повторно после вчерашнего вечера завёл этот разговор. Вы, женщины, всегда оригинальны, – отметил он, – и имеете своё эксклюзивное мнение. Хоть и живёте в фантазиях и думаете впечатляюще возвышенно, что даёт вам право считать, что если мужчина признался в любви, значит это навечно. Мораль любви, однако, ни купить, ни продать нельзя. Однако согласен: заслужить в дар от богов во имя спасения и продолжения жизни можно, как и за божье жертвенное подношение.

– К сожалению, пока это не так. В нашем мире продаётся и покупается всё, и цена определяется возможностями и желаниями. Если покупают судей и право, то мораль как слуга права покупается в нагрузку к нему с совестью, душой и любовью. Перефразируя известную поговорку охотников, скажу: без денег нынче ни тела, ни души, как ни пуха, ни пера.

– Мудрое государство сделало бы так, чтоб не допускать такого. Умное искало бы выход, дурное пускает всё на самотёк, – изрёк он почти то, чего она не отрицала.

Она незамедлительно продолжила:

– В верхах не понимают, что только основной инстинкт и формы его реализации, через любовь или иначе, по существу должны являться двигателем прогресса и условием репродуктивной системы человеческой, как и счастья. Иначе религия должна управлять миром счастья, но для этого она должна стать частью государства, общества и учредителем его права на душевное счастье или контролем его исполнения.

Арабес вздохнул, будто на него взвалили огромной тяжести груз, и он даже крикнул, но собрался с мыслями и ответил:

– Соглашусь с вами в том, что в этом деле какой-то и нужен, но не абсолютный контроль, и может быть даже только религиозный. Однако мне кажется, что эти официальные возможности – только иллюзии. Вопреки всем надеждам в жизни зачастую, а может быть и потому, отношения любви катятся к обману и их разрыву не потому, что нет контроля, а потому, что нет и сложна ответственность. Это не потому, что кто-то из влюблённых подлец, а потому, что не всегда люд может бороться со своими чувствами и желаниями. Ввиду этого и гарантировать их сложно. Однако он или она некоторое время могут качественно врать, изображая любовь, и это качество точно можно и даже, может быть, нужно страховать, как вы говорили ранее.

Он подчеркнул интонацией эту мысль и подошёл к расположившейся у стенки детской горки из роликов с навешанными на неё сувенирными замками-сундучками.

– Это для чего здесь стоит, да ещё и рядом с пианино, похожим на то, какое я видел в той комнате, в которой стояли бильярд и аквариум?

– Эта горка – развлечение для детей, но как раз и является символом любви. Ведь человек в юности, как только становится личностью, сознательно лезет в гору жизни, явно пытаясь найти или почувствовать высоту своих чувств. С этой высоты он, обхватив свою возлюбленную, уже несётся по отрезку жизни вниз. Иногда эта горка превращается в спираль, наподобие русских горок, со взлётами и падениями. В конце спуска спутницы или спутника может рядом и не оказаться. Тогда каждый снова лезет на такую горку, но сил каждый раз становится всё меньше и меньше, и если очередной спуск оказывается неудачным, он начинает задумываться, стоит ли снова лезть на эту горку любви. Замки на ней каждая влюблённая пара оставляет как гарантии и надежды того, что всё будет нормально.

– Значит, замок – это как страховка их пожеланий, которые могут находиться под этим замком-сундучком, – Арабес усмехнулся при этом и, отойдя от неё, подошёл к танцевальному шесту. Покрутившись вокруг него, он резюмировал дальше смысл стоящей конструкции

и замочных традиций. – Это символическое явление; значит, на любой спуск можно дать страховку и надеяться на замочную гарантию?

Она, поняв в прозвучавшем его вопросе иронию, стала пытаться разяснить:

– Любые моральные гарантии могут даваться только на какое-то, оправданное уверенностью человека время. Каждый, кто понимает свои внутренние возможности, может только на этот период гарантировать моральным контрактом свои отношения. Так легче приспособливаться и упрощать свою жизнь. Была бы моя воля, я бы в законе даже право по договору на полигамный и негласный брак прописала. Институт многожёнства и даже многомужества в некоторых странах существует, но он из-за религиозной консервативности не может стать разновидностью интернационального брака. Поэтому моральный контракт может быть явлением узаконенной свободной, но согласованной гостевой семьи и её морали, ведь за многожёнство у нас не преследуют. В каждом контракте должна быть своя мораль, приемлемая для всех его участников. Сейчас мы живём в мире единой морали, а в контрактных браках у каждого будет своя с учётом общественной и социальной значимости того или иного партнёра. Такой контракт может даже не требовать расторжения основного брака и при определённых правах может создаваться параллельно. В таком виде получится вроде как полигамная партнёрская семья, где согласованы будут права всех сторон смешанного союза с узаконенным их моралью сексом, а потому он уже не может являться безнравственным.

– Я, кажется, уже согласился с этим ослепительным явлением потерянной святости, но бывают случаи, когда со временем мужчина или женщина по темпераменту изменяются и кто-то из них уже не может выполнять свои сексуальные обязанности, а расходиться не хотят, уважают друг друга и порошнь существовать не могут. Воспитание детей тоже требует совместного проживания. В этом случае как ни крути, ничего не поделаешь, и в таких случаях можно оправдать договоры для партнёрских полигамных отношений и возможность платонической семьи. Только какова будет социальная ценность такой семьи? Я, наверное, опять задаю неудобные вопросы, но, поверьте, не хочу поставить в тупик, а просто интересуется ваше мнение.

Она махнула рукой и ответила с улыбкой:

– У меня хорошее настроение, и я готова на любые вопросы, потому что осуществила то, что казалось неосуществимым. Что касается ценности, то что думать, но не бросать же и не закапывать женщин в могилу, как раньше закапывали с погибшими воинами одну из их жён. При предлагаемом подходе должны потерять смысл и церемонии разводов, они должны уйти в забвение: если осуществлять договорные отношения, то при непродлении их можно без церемонии развода считать партнёров свободными или продолжить отношения на новом контракте. Так можно даже давать какие-то гарантии благополучия тем и другим при наступлении окончания договорных отношений. Поверьте, сейчас многие неофициально живут в незаконном гостевом браке, и эти тайные отношения их устраивают, так что правильнее будет эти отношения как-то узаконить. Мир из-за этого уже забыл такое украшение женской гордости, как цветущая ветка чистоты и ясности, обозначающая её моральную невинность. Необходимость признания гостевого и пробного брака уже стучит дятлом по голове в студенческой среде с надеждой на какие-то гарантии. Для некоторых уже сложившихся семей это тоже выход, так как многожёнство многими не воспринимается, да и проблемы психологической совместимости в полигамных браках велики.

То же самое касается пробных, или смешанных, форм браков для молодых. На заре Советов власть пыталась предложить нереальную теорию свободной любви, где секс, как стакан воды в жару, некой А. Колантай на большее мозгов не хватило. Развитие социальной жизни мы уже не сможем изменить, а выживать и приспособливаться к новым условиям надо всем, – убедительно твердила она.

– Нет же, конечно, я больше за страховки таких отношений, только кто согласится страховать, когда контроль сложен, а ответственность за пределами платёжеспособности?

Вот если каждый гражданин с рождения был бы обществом наделён некоей общественной экономической гарантией, тогда другое дело, а пока только уголовная ответственность, что под моральную ответственность подгонять только курам на смех, неразумно.

– Значит, придётся всё-таки продавать красавиц и создавать фонд спасения семьи. Им уже кредитовать неимущих и формировать их правовую значимость с возможностью лишения права пользования развлекательными мероприятиями и заведения знакомств. Хотя контрактные отношения, как я уже говорила, это не прямая торговля любовью, а всего лишь реализация некоей семьи-любви, с гарантией в страховке верности по достигнутому согласию.

– Значит, в любом случае страховка контракта намерений, так, что ли? А если мужчина или дама с несостоявшейся любовью вынуждены будут нарушить условия их морального контракта? Допустим, кто-то из них вдруг влюбился на стороне. Здесь может быть что угодно. Страховка будет принуждать к вранью с наигранностью чувств или к необходимости выплаты денежной неустойки. Так, что ли? – закончил своё умозаключение он.

– И так, и, может, хуже. Жизнь моральных обещаний и гарантий всегда должна идти в пределах духовной жизни чувств, питающих взаимные отношения. По мере износа чувств моральные отношения могут изменяться, но люди даже при утрате прежних чувств всегда некоторое время их могут гарантировать. С течением времени одним людям начинает не хватать любви, другим секса, третьим ещё чего-то. Тогда неустойку по контракту может нести лицо, склонившее партнёра к поступкам, нарушающим контракт, и то когда никаких последствий для него и неё не будет. Это значит, что может существовать и моральный божий суд, который только и может учесть всё.

«Это опять режущий сознание подход», – подумал он. Ему было ясно, что при таком подходе придётся учитывать и психические, и биохимические процессы личности. Любвеобильным донжуанам в рамках единой морали невозможно запретить грешить, и их гарантии могут быть относительно непродолжительны. Их чувства скоротечны, но и многим любвеобильным женщинам долгая привязанность может быть тоже томительной обузой, и как всё это учитывать? Больше даже его волновал вопрос «зачем», если мимолётные увлечения, как и временная необходимость в гостевых периодах, может заменить некое подобие секс-забегаловок любви. Так размышляя, он это понимание довольно смутно выразил ей.

Ей не очень хотелось конкретно отвечать на это незначительное его замешательство по поводу её представления о широте возможностей морального контракта, и она решила отмахнуться уклончивым рассуждением:

– Ответственность за последствия мимолётной любви по инициативе женщины она уже брать должна только на себя, даже тогда, когда рождается ребёнок. Участие в воспитание ребёнка мужчина может иметь право не принимать, тут уж как бог ему на душу положит, так и будет. Только такая моральная свобода может дать необходимое право на её активность с рождением ребёнка для себя. Только ребёнок, рождённый для себя, является и жизнью для его самого и общества, в котором он живёт. Узаконив такую свободу моральным манифестом или кодексом, а любовные отношения – моральным контрактом согласия, мужики могут освободить себя от алиментов или определить их участие заранее. У ребёнка папа-мама могут быть и в одном лице, или обществу нужно развивать институт крёстных отцов, как и мам, на несколько неполных семей или даже для детских домов. Есть и женщины-кукушки, которые готовы рожать, но не готовы и не умеют воспитывать, а есть и такие, для которых воспитание – смысл жизни.

Собеседник понимающе кивал головой, давая понять, что и здесь вроде как согласен, а она, увлечённая своими полётом логики и представлениями, продолжала:

– Любовь со временем в семье сводится либо к супружеским обязанностям без любви, либо совсем не волнует семейные отношения. Убеждение, что поживут и слюбятся, ныне уже не оправдывает себя. Не только женщины от этого могут становиться фригидными, но и браки

бесплодными. Ангелы счастья уже не спустятся к ним в любовное ложе. Культура свободы и соблазна в семьях по этическим соображениям умалчивается. Религия считает, что всё приходит с годами и говорить об этом – богохульство. С годами стихия страсти из людей уходит, а приходит лишь осознание необходимости социального бытия, диктующее человеку свои условия любви. Это говорит лишь о том, что наша религия неспособна вести справедливые суды любовной и семейной чести, если таковые могут стать необходимостью.

С этими словами шарик «уко» стал подкатываться к ней, и она попыталась его опять поднять на колени, но он не подчинился ей, а откатился к центру. Она взяла с пианино дудочку и, насвистывая в неё, вдруг будто заставила шарик кататься вокруг шеста, как танцовщицу заставляют танцевать деньги. Арабес смотрел с удивлением на это представление и не знал, верить своим глазам или принять всё за галлюцинации. Он попросил её прекратить наигрывать в дудочку, и шарик прекратил своё катание вокруг шеста. Когда она снова заиграла в неё, шарик опять стал кататься вокруг шеста. Он обхватил своими ладошками свою голову и замотал ею из стороны в сторону, как будто подтверждал невероятность происходящего. Она прекратила насвистывать и включила слабую музыку, звучащую из спрятанных от взора динамиков. Шарик совсем не прекратил кататься, но откатился от шеста и стал проявлять слабые колебания, изображая некий покой.

Наблюдая за реакцией Арабеса на происходящее, она как ни в чём не бывало, продолжала, по сути, твердить сама себе что-то отвлечённое, но отчего-то вновь возвращалась к смыслу неустоек за нарушения согласованных моральных условий: «Нет, эти мысли мне как напутствие богоискательской сути в порочном». Говорила она как с собой. Арабес будто улавливал ход её мыслей, и как только наступило томительное молчание, спросил:

– Сколько же должен платить богу грешник за нарушение контракта и клятвы перед ним, что всегда будет верен своей жене или сексуальной партнёрше? Возможна ли вообще какая-то моральная мера значимости личности, которой виновник может искупить измену и вину? – заметил он, уже не удивляясь чудесам с шариком, проделанным Анной.

– А что? Я бы даже без суда за каждую измену мужиков заставляла платить деньги за измену жене и также другой женщине за представление этих услуг. Однако как сделать так, чтоб экономическая ответственность влияла на значимость личности, а семья не страдала, но рейтинг свой теряла, пока не знаю, но, думаю, придумать можно.

– Похоже, такой меры для грешников ныне в законе нет, и может ли вообще быть? Если только не в каком-то моральном договоре, где такая ответственность может согласовываться. Однако и семейного рейтинга не существует, чтоб семья по нему дополнительные права имела или их лишалась и каждый член семьи этим дорожить мог.

– Я бы как дама хотела, чтоб в контрактных семьях зависимость за каждый грех между супругами становилась больше, а права на свободы – меньше. Какую неустойку за нарушение верности должен требовать современный брак и в каких случаях? А в каких случаях нет, кто может сказать? Неустойка семейным партнёрам всегда должна быть как индивидуальной, так и их общей семейной, но не экономической потерей.

– Выходит, если будет совместный семейный счёт или рейтинг, то в зависимости от него и личные права каждого члена семьи можно будет корректировать. Однако, как я понял, если семью так сплотить удастся, то сохранить любовь – вряд ли.

– Да, безусловно, но это, скорее, риторический вопрос. Из двух зол надо выбирать меньшее, тогда большее умрёт. Возможны и такие случаи, когда измена, как и прочие грехи, может быть ненаказуема. И жёны могут быть виноваты, и мужья. Брак – это тяжкое бремя, которое надо осознавать и тащить на себе, даже если полного ощущения счастья он не даёт. Современная молодёжь поэтому к нему не очень-то и стремится. Статистика говорит: чем дольше пары живут совместно, тем реже они занимаются сексом. Таким образом, и полного личного счастья в парном современном браке достичь невозможно, а значит, никогда не построить счастливого

общества. Институт устоявшегося брака, чувствую (и не только я), – это не очень правильная стратегия общественной жизни, но отрицание его – тоже не решение. Наверное, должно быть отведено время и на согласованный застрахованный брак и право на него по значимости личности, хотя только любовь уравнивает всех в правах, в социальной значимости, с единой ответственностью перед богом.

Шарик неожиданно подкатился к ней и стал раскатываться возле ног. Она оттолкнула его ногой.

– И это ваше действие, как и понимание, не лишено смысла, – заметил он на действие ногой и её высказывание. – Хотя на Руси, да и в других культурах, женщины права на выбор своего суженого не имели никогда, как и равенства. Выбор за них делали родители, девки только имели право на согласие с любовью. Таким образом, неравенство прав имеет давнюю историю, и, считаю, оно может иметь и половую значимость через созидательную деятельность. В прошлом девушки даже стеснялись говорить о своих желаниях и из принцесс превращались лишь в собственность мужчин, как всё движимое имущество, а рыцари любви превращались в рабов семейных забот. Ещё более обострено это в полигамных браках.

– В этом мире кого-то не устраивает моногамия, кого-то – полигамия, и надо создавать множественность системы, устраивающей всех. Где-то читала: некие лица пытались создать общину на свободной любви. На любви в ней создавали пары, и только ревность как выражение собственности была оружием, сохраняющим парный брак. У некоторых племён малочисленных народностей ревности не существует вообще. Читала, будто бы приглашённые на свадьбу гости могли предъявлять право на близость с невестой, а сам жених мог оказаться последним в очереди к ней в первую брачную ночь.

– Эту традицию ни запить, ни заплясать, ни умом не понять. Даже прочитав работу Энгельса о происхождении государства и семьи, объяснения такому не найти. На Руси всегда пред богом чтили святость невесты и жены.

– Что так, то так. Я даже читала о некой телегонии, когда плоть женщины запоминает гены с признаками первого и, может быть, даже любого сексуального партнёра. Не потому ли чистота дамы на Руси в чести и была? Другие считают, что телегония – полная ерунда, и им это по барабану, с кем была до свадебного дня невеста, и воспринимают даму такой, какой в ощущениях богом дана. Некоторые северные народы дорогого гостя укладывали со своей женой с целью получения качественного потомства. В африканских племенах дорогому гостю могут сразу предложить женщину на выбор, чтоб он не был в одиночестве. Если же считать, что все мы от одной матери Евы, то так или иначе все мы кровные братья и сёстры, вышедшие из одной семьи и мамы. Так какую же мораль нужно выбирать для счастья, чтоб греха не знать?

– Внутренний голос мне говорит, что мне надо в чём-то соглашаться с вами, – заметил он. – Однако какая мораль во всех этих случаях необходима, он что-то тоже сказать не хочет.

– Какой у вас разумный внутренний голос. Пусть он вам скажет, что только согласие и его страховка отношений должны быть основной морали и формой сохранения и становления новой семьи. В этом подходе кого-то могут устроить и семейные коммуны в современной жизни на общественной собственности, включая и жён, с общими духовными ценностями и соответствующими отношениями. Такие, в общем, коммунистические образования могли бы вместо родителей давать право детям на те или другие формы любви и семьи. Однако для этого им понадобится своя религия, чтобы узаконивать их браки. Естественно, община как дальнейшее развитие семьи может действовать сообща и отпускать своим старейшинам право на разрешение им сватовства и венчания членов общины в те формы брака, которые будут допустимы моральным кодексом общины.

Он не понимал, зачем это, но в целом осознавал, что такие общины могли бы быть в современной действительности, но расспрашивать не стал и лишь напомнил, что в феодальном строе тоже право первой ночи в крестьянском браке отдавалось барину как собственнику

и хозяину деревни, которая была своеобразной его общиной. А раз существовала в них такая дикость, то никаким образом благо подобных общин возносить нельзя, хотя некое общественное образование как социальное гнездо семьи и личности с экономической связью между ними и допуская. Некая экономическая ответственность этой семьи в виде коллективной гарантии и поручительства для отдельной семьи могла быть рациональной мерой, убивающей бесконтрольный произвол. Она же, как в японских и других коммунах, могла быть и гарантией воли женщины, и её контролируемой формой. Только в таком варианте любое личное желание может не прогибаться перед общественным порядком, а согласовываться с родовым устоем, если им это право будет дано. Высказав что-то из этих мыслей, он как бы поддержал её утверждение.

Анна наблюдала за ним и чувствовала, что здесь он с ней почти полностью согласен, а не как до прошедшей ночи, когда его возмущало всё. Так, удовлетворённая всем, она ждала появления Шаманки, и ей было всё равно, чем занимать время, но не хотела нарушать стихию сложившейся беседы. Чтобы не удаляться от занимающей его и её душевной темы, она продолжила:

– Если те или иные порядки и обычаи не уродуют души, то возможно всё, и стихия, воспитанная социальным окружением, и его влияние могут сформировать любое сознание, если оно преследуется моралью бога, – заметила она. – Вот как этот шарик «уко», который свободно гуляет у меня по комнате под неким божественным влиянием. В моём доме может жить только прекрасное. Как говорится, в здоровом теле жить может только здоровый дух. Поэтому для полного счастья в моём доме нужна религия тела, она должна подчинить религию души, которой мы сейчас поклоняемся. Бороться с телом не надо, – опять заметила она, и он отметил про себя, что это она уже произносила, но напоминать об этом не стал, и она продолжила: – В большом теле счастливая душа не живёт. Христова религия объёмна и масштабна, но привязывает человека к вечной любви в стагнирующей форме брака...

Она говорила что-то ещё и ещё. Стальная её логика мучила его сознание, как сексуальная страсть, и требовала покорного принятия её как дань необходимости. Он, как прежде, почувствовал свою неспособность противоречить ей, и её как будто прорвало. Она выплёскивала страсть своей логике и неслась, как взбесившаяся лошадь, тащившая его за своими понятиями, хотя где-то и повторялась. Она практически гипнотизировала его убийственной логикой своих понятий и рассуждений, и он с трудом ей мог возражать. Порой, ошеломлённый и сбитый с ног своих предположений, он снова вставал и, стиснув зубы, как удила, бежал дальше за её логикой, пытаясь вышибить её из седла своих убеждений. Остановить и опровергнуть топот её аргументаций было очень непросто. В конце концов у него осталась только одна мысль – нет, не остановить, а как будто заставить разродиться её чем-то новым. При этом он не хотел потерять способность поддерживать беседу рассуждений и вымазать себя своей бесцветной тупостью. Это было бы для него страшным зрелищем, явившим поражение, воспринималось бы которое им уже как поцелуй с того света. В последний момент ему показалось, что голос её дрогнул в каких-то сомнениях, и она замолчала, как вставшая на дыбы лошадь перед пропастью бессмыслицы. Однако, призадумавшись, она продолжила, будто кто-то хлестнул её кнутом новой логики, и она, поднявшись над ней, старалась не упустить смысл того, с чего начала, чтобы наконец закончить свой бег убеждений:

– Эта нынешняя религия – скорее, религия отрешённости, призывающая отказываться от чувственных благ действительности, – продолжала утверждать она. – Если следовать её заповедям, то можно прийти к монашескому образу жизни. Недаром некоторые фанатики кастрируют себя, чтобы быть ближе к богу. Хотя у самого Христа в его мобильной жизни была спутница Мария Магдалина, дарящая ему женское начало по зову сердца, но к лику святых она не представлена. Его мораль поддерживает идеальный брак, где имущественная связь явля-

ется её скрепой. Такие формы брака были определены условиями выживания старого мира, а новому миру, как уже говорила, нужны новые формы брака. И возможно, именно такие, которые я бы хотела видеть, не исключая свободную семью.

Она подошла к книжным полкам, которых в комнате было необыкновенно много.

– Вы посмотрите, какая у меня здесь библиотека. Вот книги о любви, а вот о религии. Среди этой массы книг не много книг, которые могли бы ответить на то, о чём мы с вами говорим. Но есть и книги, которые могут подсказать, как создать свою религию. Основная масса рассказывает о тех или иных историях любви в тех или иных условиях жизни. Из опыта своей и чужой жизни я могу утверждать, что моральный контракт возможен и в свободных отношениях любви, и как основа свободной семьи.

Она показывала свои книги и, не расслабляясь, старалась доказать безупречность своего убеждения, хоть, похоже, понимала, что во многом с кондачка это осуществить невозможно. Главным считала для себя перешагнуть патриархальное сознание, которое мешает перевернуть устои социальной жизни, втиснутые в штаны патриархальной семьи.

– Значит, вы всё-таки за свободные отношения, обусловленные моральным семейным контрактом, где инициатива условий может быть и за женщиной. Это похвально, но это не значит, что отношения вроде как свободной семьи-любви могут стать палочкой-выручалочкой для формирования общественного счастья и нужного демографического развития, – стал уточнять вслух он. – Здесь есть страх растереть современную парную семью. Семья – это всё же родовое древо морального, исторического и прочего формирования человеческого и общественного лица. В ней главными вряд ли будут чувства, хотя без них ощущения своего личного счастья достичь нельзя. К сожалению, если мужчины добиваются этих чувств до свадьбы, то после вообще не то что не принимают в расчёт, но и порой они ставят им в укор потому, что они по какому-то мужскому праву стараются доминировать во всём даже тогда, когда это не дано.

Моральный застрахованный контракт это, похоже, может и исправить, и стать гармоничной реальностью взамен или в дополнение к имущественному. Необходимость нового в семейных отношениях, исключающих имущественную скрепу, – мысль сама по себе интересная, но, скорее, пока нежизненная. Нужен механизм системы контроля и ответственности, а его нет и создавать некому. Ваш храм с подобной задачей не справится, берите задачи попроще. Поймите: я не против, но сам сталкивался с подобной сложностью и был уличён в нереальности таких замыслов, потому остановился на самом простом варианте.

Анна тяжело вздохнула и с каким-то сожалением продолжила настаивать на своём утверждении, упрекая его в том, что у него нет такой деловой хватки, как у неё, потому что хочет начинать со святости, а нужно идти от греха к святости.

– Свободные отношения – это и временные семейные союзы, и не отрицание современной семьи, – утверждала она, с усмешкой наблюдая за ним. – Это, как ни крути, лишь дополнение, и одно другого отрицать не должно. Более того, они будут поднимать значимость традиционной семьи и контроль, а точнее – регулирование, свободных гражданских связей. Надо всем в этом должна быть гармония, а не стихия хаоса. Жизнь покажет, что приемлемее, и всё в хозяйстве может пригодиться, если не мешать такому развитию.

– А вы не боитесь, что разрешённая, хоть и контролируемая свобода даже параллельно традиционной семье может перерасти в систему согласованного морального и сексуального извращения и разгула? А чтобы это не осудили, а глаза прикрыли, нужно очень лохматую лапу иметь в верхах и упрямые факты своей мудрой святости.

– Смотри как к этому подойти, – всё-таки стояла она на своём. – Есть же поговорка: лучше Настя в лодке, чем колбаска в лукошке; это говорит лишь о том, что любовь всегда была выше значимости жрачки. Излишками её счастья не достичь, есть пределы насыщения, а любовью даже при скромной жрачке можно достичь многого, главное – чтоб и силовики были

сыты, и святые божьим дождём омыты. Тогда счастье не затеряется в лабиринте жизни и найдёт выход к общему столу упоения и блага.

Она усмехнулась над тем, что сказала, и добавила:

– Это не совсем серьёзно, но если магией или микстурой здоровья всех в вечность позвать, то самые могучие за этой спиной могут стать. Продление и развитие сексуальной жизни и её возможностей ради душевного торжества и значимости личности есть сотворение счастья жизни. Пусть любят люди себя и друг друга как хотят и сколько хотят, только бы не убивали друг друга, сея страх и насилие за свободу любить. Значимость того или другого образа жизни, как и формирование той или иной семьи, должно определяться без насилия. Однако если человек создаёт, допустим, полигамную семью, то должен понимать, что он должен положить на алтарь святости свою производственную и общественную значимость как жертву за отступление от идеального образа жизни. Калым у мусульман – это тоже право, как и приданое у христиан за законность жизни в любви, а не в одиночестве.

Теперь уже он тяжело вздохнул и погрузился в задумчивое молчание, как будто вспоминал, что бы это ему напоминало или значило; наконец, собравшись с мыслью, ответил:

– Если, конечно, значимость социальных ценностей личности сделать скрепой семьи, то, наверное, можно прийти к новым её формам образования. В этом случае значимость личности может поднимать значимость и семьи с формированием семейных свобод. Только как, кем и за что должна определяться значимость личности, что это такое и с чем её едят, в этом мире никому и совсем пока непонятно. Не будет ли это похоже на армейские чины, когда с одним званием тебе разрешено то, с другим разрешено это? Пока – к сожалению ли, к радости – общество наше обезличено и перед законом мы все равны, а это в одних случаях хорошо, в других плохо, но точно пока не может определять такой подход и доход, как и право доступа к тем или иным видам услуг.

– Значимость, значимость, значимость, – произнесла она, как будто в этом слове был заложен некий сакральный смысл. – Святая значимость личности – видно, в этом ваш святой удел. Считаете, видимо, что поступки должны определять чин значимой святости и по скрижалям поклонения духу любви вести к совершенству души. Хорошо бы было, если бы значимость личности давала право на смену любовных партнёров, на тот или иной тип семьи, на тот или иной вид морального контракта и так далее. Однако института значимости дел и личностей нет, и, наверное, считаете, что это поставит на моей затее крест.

– Видимо, действительно так, и только через значимость сможет всё. Выполнил тот или иной святой обет по согласованному кодексу своей морали – и возносись в небесной дали до наречённой значимости. Воздавая значимость святому, каждый и сам будет в её поиске. Это и даст право вымоленной морали семейной веры с послушанием и смирением. Так, грызя сухарь своей гордыни и совести, каждый может открыть глаза на истину жизни с милостью и прощением к себе и себе подобным для ощущения в этом счастья.

– Однако для формирования счастья жизни через значимость нужна религия любви, где будет формироваться духовная значимость семьи как формы тела любви. Идолом этой семьи и её значимости, видимо, придётся считать верховную силу Золотой бабы, которая идёт от силы огня, почему и поклонялись ей древние славяне. Придётся её как часть мировой культуры, искореняющую распри, вознести в ранг божества, а меня наместницей её в этом доме счастья считать.

Арабес возмутился и, слушая её, подойдя к полкам с книгами, заявил, что таким наместником он бы сделал Шаманку, которая его посещала ушедшей ночью и чей дух таинственным образом в виде шарика «уко» катается здесь, наводя на него если не ужас, то чудо явления. Анна не стала реагировать на сказанное, чтобы не раскрывать своей тайны. Он начал разглядывать книги и увидел глянцевый журнал; взяв его, стал перелистывать. Наткнувшись на некую

статью, которая его заинтересовала, начал молча читать. Так неожиданно, пробежав по тексту, который касался темы их разговора, стал перечитывать его вслух:

– «Имущественными отношениями исковеркали смысл чувственного счастья. Они стали коммерческим посредником, чтобы продать или купить счастье любви». – Смакуя текст, он поудобней уселся опять в кресло у стола; заметив, что суть текста похожа на ход её мыслей и их общей беседы, вопрошающе замолчал. Анна попросила продолжать.

– «Не кажется ли нам, что исходя из этого нам ныне нужен переход от имущественной значимости личности к её правовой значимости, за внутреннее единство общественного и личного, как душевного и телесного, выраженного теплотой добра? Можно ли в действительности законодательно утвердить некие правовые, не обезличенные равенством свободы личности? Кто или что сможет определять общественную значимость личности с той или иной мерой свобод и насколько это моралью оправдано, если пренебречь имущественной значимостью личного расслоения? Если равенство считать утопической мечтой коммунистов – не только всех перед законом, но и в имущественных отношениях, – то обезличенное общество может ли быть счастьем для всех? Любовь всегда преклонялась перед значимостью личности, с преклонением перед кумирами масс. Если считать, что значимость должна утверждаться богами или общественным сознанием, то по каким их критериям можно будет решать, кому оставить право на свободную любовь, кому на многожёнство или многомужество и повторный брак, а кому нет и так далее?». Это же как будто ваши мысли и продолжение нашей беседы, – заметил он.

Она молчала, словно не слышала его слов или раздумывала над прочтённым отрывком из статьи, и он продолжал чтение:

– «Обществу необходимы нравственные критерии значимости личности, построенные не на личном богатстве, а на благородности. Одним словом, то, на чём можно формировать различные права и контролировать их выполнение и дарить внимание с почтением как выражение общественной любви. Продавать различные права или раздавать их за заслуги гражданам пусть останется на совести общества и религии, славящей дела и по ним права. Если право всё-таки считать формой выражения общественной любви к человеку, вытекающей из религиозной морали как божье явление, то скрижали для благих дел должны формироваться богом или как? В зависимости от ответа возникнет или не возникнет необходимость считать религию частью правовой системы государства или отделять от государства. Однако другой формы выражения своей любви к личности у государства и общества нет, и иначе общество любви и человеческого счастья не построишь».

Арабес закрыл журнал и замолчал, положив его на место. Ему показалось, что он уже читал что-то подобное, если не эту статью, и он в молчании обдумывал, что сказать по этому светлому лику человеческого счастья, о котором упоминалось в ней.

Анне захотелось прервать эту томительную тишину первой.

– Скажите же, наконец, что вы думаете, не молчите, – обратилась она к нему. – Ну вот хотя бы ответьте, можно ли в правовом обществе будет делиться любовным правом, как капиталом? И уж согласны ли вы с тем, что значимость может стать стимулом или правом для рождения и воспитания детей, как и условием для новой любви? Ведь в этом, кажется, скрывается мощный рычаг управления движением к высшему смыслу жизни и прочим радостям, а при снижении статуса значимости ниже норматива может стать уже и карой.

– Похоже, может быть таковым и даже стать культурой или институтом счастья и коллективной карой в правовом или экономическом плане. Я когда-то вроде как читал уже эту статью, и тут у меня двоякое впечатление.

– Вот те на, и так ха-ха, и так хи-хи. Значит, читали. Тогда скажите: значимость можно божьим даром считать?

– Наверное, да, но на бога надейся, а сам не плошай, и даже рождение детей можно рассматривать как таковой дар, но по его правовому велению, а без его правового сотворения – неблагочестивым явлением. Может, это и не так, но как понял.

– Выходит, чем больше у мужика будет благих детей, тем статус его выше и благородней будет и больше ему может прощаться? – отозвалась, усмехаясь, она – то ли над своим убеждением, то ли над его разъяснением.

Он не стал обращать на это замечание должного внимания и, как будто пропустив его мимо ушей, заметил:

– Скорее всего, эту статью написал какой-то чудака, очень похожий на нас с вами. Что-то похожее на эти убеждения уже летают в воздухе, как ваш шарик «уко». Более того, начинаю считать так же, как вы, что значимость личности, олицетворённая в той или иной величине статуса, может действительно определять какое-то право или ограничивать равное. В частности, уже соглашаюсь с вами и со статьёй, что всем мирянам можно будет определять кому право на традиционный брак, а кому и на пробный брак, чтоб сексуальные отношения были гармоничны и регулярны. Некий другой его уровень мог бы давать право и на полигамную семью, и на дополнительный гостевой брак и так далее, до прочих контрактов и льгот. Это я уже развиваю и вашу мысль, и ту, которая просматривается в этой статье, с ограничениями в моей голове, – заметил Арабес.

– Значит, всё клёво и жизнь будет ладком, как у Аннушки под пупком, как сказал бы мой любимый. Выходит, и полигамный брак, и прочие формы, если они смогут быть образом существования, с определённым социальным статусом значимости. Выходит, естественно, и страховка согласия сердец должна быть, не допускающая ни измен, ни любого морального обмана, а для этого без контроля не обойтись. Будем считать, что вы и его допускаете, только непонятно с некой светской религией, поклоняющейся природе как духу плоти или как-то иначе?

– Выходит всегда хорошо, заходит порой плохо, но всё поправимо, – с иронией заметил он.

– Не ёрничайте, – отозвалась она. – Если долго мучиться, то что-нибудь получится. Естественно, надо всегда правильно начинать, а мы с вами по-разному к началу подходим. Сначала надо умом помучиться, тогда и невероятное случится, и всегда вовремя кончать, чтоб проклятья не поймать. Со страховкой любовного общения такое развитие: как с маслом в жизнь войдёт и богу аллилуйю споёт.

В это время она в пылу убеждений, видно, что-то задела рукой, и по комнате побежали мигающие огоньки, и от них стала исходить другая музыка, похожая на популярный вальс Свиридова.

– Это крутой драйв, как в прошлой беседе, поднимаете мне гормоны радости? – разведя руками, заявил он, указывая на освещение.

Она же приняла его реакцию больше как реакцию на своё высказывание.

– Но, видимо, если смотреть с вашей колокольни, для вас это неубедительно, – отреагировала она. – Хоть по логике я и права, как и вы, даже в последнем высказывании мы вроде и в согласии были.

Он не стал спорить, а сначала привстал, а потом, обратно сев на место, указал на огоньки:

– Вот что меня удивляет и восхищает, а с вашим мнением я, наверное, согласен.

Он, уже прислушиваясь к музыке, попытался уточнить своё мнение, как будто произошедшее световое явление отшибло ему память. Она ему вновь изложила суть его высказываний, и он продолжил:

– Ну, если у нас уйма времени и больше заняться нечем, то я, так и быть, продолжу и уточню по сказанному с другой колокольни. Конечно, страховка и контракт по значимости – это интересное решение. Только должен опять заметить, что раз ни в обществе, ни в существующих религиях нет ни должной оценки, ни ценностей, значимости личностей, то сколько

куку ни кричи, истины здесь не найти. Ныне значимость дарят деньги, которые не пахнут благородством, и она пока зависит только от совести. Оценку совести как душевной святости боги не продумали.

Осуждение в таких условиях не всегда может быть оправданно, и тогда оно теряет общественную силу позора и страха. Грех становится нормой, а свобода мыслей и дел несёт людей во все тяжкие, без осуждения. Личные интересы становятся превыше всего, а общественная мораль осуждения становится неубедительной. Создаётся ситуация множественной морали, как и многополярного мира. Как системно поставить её в зависимости от некоей общественной субстанции добра, понятия тоже нет, так как неофициальная мораль постоянно меняется от меняющихся социальных условий. А раз они не везде одинаковы, то отрицать различие моральных устоев нельзя, тем более в историческом развитии. Более всего нет механизма зависимости разных социальных ценностей от общественной необходимости. Если дерево познают по его общественной пользе, то в жизни оценки дел и личностей, задействованной с правом, нет, да и права как формы оценки и выражения общественной любви нет. Сельское патриархальное хозяйство как социальное условие не стало основой существования. Учёба и профессиональное продвижение уже не требуют раннего брака, как раньше, когда основным позывом была необходимость помощника в хозяйстве. Ныне, когда этот посыл исчез, а плоть требует какого-никакого, а регулярного сексуального общения, оно становится основным посылом с необходимостью душевного единения. Это душевное единство тем сложнее, чем сложнее душевная аура соискателей общения. Значит, душевная значимость должна стать любовной скрепой семьи вместо имущественной значимости денег.

Исправить это можно только тогда, когда богатство будет зависеть от ценностей морали, а не наоборот, а сама мораль будет служить гармоничному развитию чувств и страстей в определённых социальных условиях. Как сотворить такую обратную зависимость, никто не знает. Так что из вашего храма света божьей милости может получиться только монастырь страстей.

– Это существенно, – заметила она. – Может, с организации его и надо начинать? Если поставить на ваше, то если б от количества созданного зла и общественного неодобрения поступков вдруг богатство уменьшалось, было бы великолепно. В некоторых странах есть понятие рейтинга того или иного человека, а вот как рейтинг превратить в статус значимости с влиянием на социальное благополучие и права, пока никто не думает. Может ли это стать скрепой семьи, тоже большой вопрос.

– Ну вот, нашла коса на камень. Естественно, это непростой вопрос, и, похоже, даже ваша религия как абсолютное бесправие, с которой вы хотите сделать мир чище, ничего не изменит.

Чтобы мир стал чище, действительно нужна религия, которая сможет признать абсолютное частное присвоение вне зависимости от общественного блага абсолютным бесправием, в том числе и на женщину, как и наоборот, иначе любое дело помрёт от пустых забот.

Это как легло сейчас мне на думу и сердце, так и говорю. Размышляя на эту тему ранее, пришёл к мысли, что всякую деятельность и свободу человека со временем будут стимулировать не только собственностью, но и общественным правом пользования. Пусть не будет в этом тупого и недалёкого сознания мира, которое могло бы стать порукой такому начинанию. Ведь в зависимости от вклада в общественное достояние как дара на божественный алтарь не будут создавать антагонистических противоречий ни внутри семьи, ни внутри общества, так как внесит один, а воздаётся всем, и это право ни украсть, ни присвоить иначе нельзя. Право на пользование или на звание жены и мужа, как и право на воспитание детей, нужно будет всегда поддерживать и бояться потерять, и этот застрахованный страх с чувствами, а не собственностью, должен быть семейной скрепой.

Ведь и ныне родители на детей со временем теряют все права, а порой даже на любовное общение, хотя некоторое время считали их своей собственностью. Возможно, такое будет

являться мировой революцией. Хотя тогда уже не деньги, а мораль по праву созидания человеческого счастья как диктатура любви должна править миром.

Он с трудом выразил эту мысль и, боясь, что она его не поймёт, задумался.

– Это для моего понимания слишком сложно, – объявила она, прервав молчание. Тут какую-нибудь свободу морали, вне зависимости от общественной, вы допускаете?

– Если ваш храм любви будет всё-таки служить построению семейного счастья, а не свободе любви, то без преследования необходимой демографической миссии в нём не будет смысла. Именно это и должно стать общей взаимозависимой с христианской и прочими религиями моралью. Когда же любовная свобода будет через договорное право определяться действиями и свершениями и это как-то будет регулироваться некой храмовой службой, я, наверное, с такой свободой соглашусь, только не в храме любви, а семьи-любви, где любовь – высшая форма выражения природы.

– Ну, ведомо, семьи. Хотя всё одно, что это, что то, семья только, как говорила, новой должна быть. Вам всё-таки с таким вашим пониманием, наверное, будет странным представить возможность свободной семьи моего понимания. В это понятие можно вместить и сексуальные отношения между семьями наподобие шведской и полигамной модели. Разве нельзя допустить, что у женщины может быть круг мужчин, с которыми она на законных договорных отношениях может иметь сексуальную связь? Почему и это нельзя считать семьёй, как и такую же свободу мужчин? Такая свободная семья всё лучше, чем свобода случайных стихийных связей.

– Да и я, знамо, соглашусь, что лучше, но как тогда формировать отношения детей и родителей? В старом мире чем больше детей в семье, тем больше помощников, с ними легче было выжить. В наши новые времена всё наоборот: чем больше детей, тем трудней жизнь. Рождение детей ныне определяется только инстинктом продолжения себя, хорошего, и рода. Не все родители ещё правильно могут воспитывать детей, если они их даже не раздражают. По-моему, ребёнок должен воспитываться в коллективах со своими сверстниками, а потому даже одиноким приёмная семья – это неидеальная среда для их воспитания. Так что если храмы возьмутся за воспитание и как-то помогать, то в первую очередь детям одиноких мам и вышедших в тираж жриц любви, ну и, конечно, сиротским домам, куда свободной любви красотки кидают нагулянных детей. Без этого услуги храмов полезными в полном смысле быть не могут, а может и святой смысл жизни потеряться.

– Сиротский дом, получается, тоже будет вынужденным следствием свободной любви, – заметила она. – Однако если не делать этой свалки детей, то не только храмы, но могут существовать совместные с одинокими пенсионерами социальные дома. Те и другие могут быть рады друг другу и счастливы даже в гостевом общении. Одни будут замаливать грехи, другие – получать внимание. Старые будут радоваться оттого, что ещё кому-то нужны, другие рады будут тому, что их любят. Уважение к старшим тоже надо воспитывать. Ныне не каждая молодая мама способна подарить ребёнку даже любовь. Учёба, работа, развлечения требуют много времени, и убивать на детей свою молодость им жаль, старым это просто необходимо, и времени у них больше, и опыта достаточно, и любовью поделиться хочется, да и благодарность получать – тоже радость.

– В таких заботах, полагаю, нужна точно новая светская религия, воспевающая семью на гармонии чувств и общих интересах как партнёрскую семью счастья, где отношения с детьми тоже будут согласовываться и страховаться. Можно ли этого добиться путём застрахованного морального контракта в свободной семье и возможно ли, чтобы он стал полноценной скрепой семьи взамен нынешнего? Если эта страховка станет таковой, то к этому нужно готовить сознание, – рассуждал далее он, как будто с самим собой. – Надо, чтобы женщин у нас в основном готовили служить семье и мужчине: куда иголочка, туда и ниточка, – а наше воспитание этим не занимается. Прогресс и ныне будет вытеснять людей с производства, и нужно, чтоб это в первую очередь касалось женщин.

Но, опять же, женщины могут деградировать при таком подходе. Раньше мужчины служили царю. Царь служил богу и народу, иначе – своему государству. Чем лучше каждый служил царю и отечеству, тем в большем почёте был. В этом и честь знали, и за измену ему карали. Царь был крепостным своей страны и своего народа, люд – крепостными царя. Всё это понимание жизни было логической конструкцией одной семьи, одного дома. Самое большое количество детей было у русских, русским бабам и рекорд по рождению детей принадлежит. Сейчас всё поменялось, но какая философия должна служить этому новому миру?

Анна терпеливо выслушала его и, похвалив его за неугомонность в поиске своей истины, успокоила его, выключив ранее включённую иллюминацию комнаты. Уже почти в полумраке молвила, допивая, как успокоительное зелье, некий напиток, стоящий на столе:

– В том, что ныне времена изменились, перестройка виновата. Все как с цепи сорвались, стараются всё больше ухватить, и служить только себе, и жить для себя, но если ради мамы жить, то чувства быстро можно убить. Я, как дама, уверена, что надо создавать оговорённые условия всем. Ныне уже непонятно, кто кому должен служить: то ли бабы мужикам, то ли мужики нам.

Оттого что дамы ныне удобней для работодателей на производстве, на них повышен спрос с повышенной оплатой, из-за этого и в семьях стали меняться отношения. У кого так, у кого эдак, то ли диктатура мужика в семье, то ли диктатура свободной любви. Бабы рожать разучились. Все пьют коктейль безбрачия и живут в таком же коктейле жизни. Может, действительно необходимо систематизировать этот коктейль свободных отношений по значимости личностей в обществе?

То, что эту значимость можно сделать основной скрепой семьи, я тоже считаю возможным. Если женщина способней мужчины и её значимость выше, то ей и наливать больше прав, и пусть мужчина служит ей. Только эту значимость необходимо как-то фиксировать и учитывать в неких моральных договорах как контрактах отношений, о которых и говорила.

– И в этом тоже есть доля правды, – согласился он с её вопросительным монологом. – Но разве не вы, если я не путаю, говорили, что любовь всех равняет?

– Неравенство может сохраняться, если оно будет согласовано и не будет убивать их любовь, – отреагировала она. – Многие к равенству и не стремятся, только его надо соблюдать моральными нормами гармонии. Если мужик хочет чистой любви, то должен равнять даму с собой.

– Это уже другой компот, – восклицал он. – Только кто и как будет определять эту неравную значимость личности? Собственно, разве не об этом я говорил? Может быть, как и говорил, по служению обществу, как и богу, определять социальный статус и правовую значимость каждого. Его можно было бы использовать как право на свободу ошибок в любви, с возможностью его понижения или наоборот. Эта мера могла бы быть рычагом влияния в системе контроля и управления правом на любовь. Может иметь место и налог за отступления от норм принятой обществом морали. Только вот в семье, а не на производстве, если женщина будет только заниматься семьёй, то как быть со статусом и определять его? Это выглядит смешно, но, похоже, без общественной деятельности значимость личности – это утопия.

– Да, в этом есть какая-то сложность, однако успехи детей и успехи мужа, ради которого жена жертвует собой, могут быть частью и её достоинства, и это тоже может стать условиями контракта согласия в любой форме семьи. Вот определять статус и контролировать соблюдение допустимого по нему пока действительно некому, – уточнила она его соображение. – Поэтому полезная значимость семьи и личности в ней может определяться и религией по родительской, божественной и общественной полезности.

Он как будто опять не был полностью согласен, но не стал возражать, а встал, и медленно начал ловить вновь появившийся рядом с ним шарик «уко», и, не поймав, с досады произнёс:

– Какой абсурд этот шарик, а вот живёт, как чудо этих стен, в невероятности. Может, – не поймав, с досады произнёс он, – наша религия этим заниматься будет, но, думаю, тоже только по большому чуду. Однако всё может быть, и если вдруг случится такое же чудо, то всё возможно. Вот дамы-кукушки могли бы ею преследоваться за отказ от воспитания своих детей. Однако даже такая же аморальная роль птицам дана самим богом, и как тут быть с осуждением? Если птиц карать за это бог не берётся, зная, они за свою полезность этому миру прощение имеют, а потому нельзя. Значит ли это, что за это надо карать дам? Это хорошо, что они аборт не делают, а просто оставляют детей в роддомах и уходят, бездетным они спасение. Надо учитывать законы природы. Поэтому соглашусь с возможностью и религиозной, и прочей оценки значимости, но для этого она всё-таки должна стать религией природы.

– Не всё, что есть в природе, обязательным должно быть для людей, – возражала она. – Если в дикой природе убивают друг друга, а самец льва, победившего главу прайда, убивает его потомков, то это не значит, что люди должны делать то же самое. У людей есть язык и дары природы, чтобы они не охотились друг за другом, а пользовались её дарами и находили согласие.

– Естественно, и тут главное отличие только в том, что люди могут жертвовать своей жизнью во имя спасения других, а не поедать друг друга, и это являет значимость человека над всей дикой природой. Звание человека этим и определяется.

Она высказалась и вдруг, обернувшись к нему, подала руку. Он в растерянности машинально взял её за запястье, не зная, что делать дальше.

– Вам мои мурашки не перешли? – спросила она его.

Он покачал головой в знак отрицания.

– А во мне они будто бегают под кожей. Порой мне кажется, что со мной говорит другой человек с чужими глазами и мозгами другого понимания. Он потрясает меня своей собранностью рассуждений, отчего у меня даже мурашки ползут по телу. Иногда мне кажется, что с вами говорю не я, а та жертвенная натура, бросающая мне логику для общения с вами.

– Способность жертвовать жизнью во имя того или другого всегда говорит о значимости личности, – продолжил он её намёк на жертвенность некой её внутренней природы и всего смысла любви и семьи как смысла их беседы. – Правда, не все это осознают, но даже образование семьи – это жертвенность родителей во имя детей. Однако не только каждый человек, а и каждая моральная общность своей полезностью, видимо, должна быть способна иметь и формировать общие статусы значимости, чтобы иметь влияние на своих членов и жертвовать своей значимостью во имя спасения или поддержания своих членов, как и государства своих граждан.

Так, право жертвовать ими и делиться правом свобод в определённых пределах своей значимости, возможно, когда-то будет определять формы свобод каждого как выражения к ним любви их моральной общности. Практически иметь право значит пользоваться чем-то или кем-то как собственностью, пока это право не будет подтверждаться значимостью личности. Только с таким подходом алчность не убьёт благородство, а наоборот.

Только тут он, размышляя над тем, что говорит, стал сомневаться в простоте своего изложения. Ему показалось, что опять говорит сложным и недостаточно доступным ей языком. Как сказать проще, он не знал и стал раздумывать. Однако, не найдя в своих поисках, признался:

– Я говорю сложно, и если вы не поняли меня, извините и не реагируйте на сказанное. Эта жертвенность хоть и необычна по сути современных отношений, но, может быть, интересна будет когда-то в будущем. Вы же думаете о подобном или вас только интересуют деньги и то, как благородно прикрыть свой доход, с мифическим намерением построения рая на земле, создавая его иллюзии?

– Я вас поняла, не переживайте, но с этим опять я не согласна, но не обижаюсь на вас, – возразила она. – Такая уж я зараза, что думаю порой почти так же, как вы, а порой наоборот,

но уверена: то и это можно и сегодня, если осторожно. Ведь по праву значимости можно и ныне построить право не только на любовь, но и на искусственное продление жизни или на посещение некоторых закрытых элитных заведений, путешествий и так далее. Если же значимость будет формироваться не по полезному вкладу в общественное благо, а по жертвованию богам, то тогда она может определяться святыми от религии любви. Они такой статус значимости могут определять и для отдельного человека, и также для семьи, и даже для какого-то человеческого анклава и клуба, формирующего и поддерживающего мораль того или иного союза. Ими может определяться и значимость морального братства, и их мера коллективной моральной ответственности. Она может быть выражена неким правом, отражённым на различных платёжных карточках. Они могли бы определять доступность к тому или другому виду услуг, и уже не деньги, а право будет определять меру свобод и возможностей.

Он не дал ей высказаться до конца.

– Ну, это почти то же самое, к чему я подвожу вас, хотя может показаться крутой фантазией. Внутренний голос мне говорит, что это не утопично. Один за всех и все за одного! Не этот ли лозунг мушкетёров и коммунистов вы хотите претворить в жизнь, говоря о некой общей ответственности союзов и семей? В развитие этих отношений потребуются моральные общественные суды, а это возможно только в исключительных случаях и в маленьких коллективах с какой-то круговой порукой. Однако это не частная возможность решения данного направления.

Опять же безработная жена, занимающаяся воспитанием и домашним хозяйством, при невозможности какой-то общественной оценки её значимости иметь её не сможет и перед богом по вере. Это может понизить общую оценку семьи, хотя успехи детей и мужа могли бы стать условием для таковой. Таким образом, по логике коллективной ответственности, наказывать за проступки одного придётся и родителей, и детей правами на получение тех или иных благ. Этично ли за нарушение одного наказывать всех, включая детей? Они этого не поймут. Наказывая взрослых, мы так или иначе наказываем и детей, а если за проказы одного наказываются остальные дети, это может спровоцировать спонтанную и неоправданную агрессию детской толпы с необходимостью переноса наказания или поощрения на персональное влияние.

– Сдуру можно и лоб разбить, если кирпичом крестить, – с усмешкой отреагировала она. – Всё надо делать с толком, и все такие девичьи страхи возникать не будут. Да и вообще, зачем нужны эти общественные суды и их решения? По скрижалям предполагаемой некой семейной религии любви, уровень женской значимости может определяться и по значимости мужа. Он и она – одна сатана, потому любовь и семья должна их уравнивать во всех имущественных и моральных правах, когда иное не оговорено моральными контрактами.

– В имущественных правах это и ныне существует, а в моральных это надо уточнять и разъяснять, что, для многих это тёмный лес вопросов, – уточнил он.

– Люд со временем найдёт много способов оценки и ответственности тех и других за моральный ущерб. Почему чувства и поступки не могут быть мерилем совместно всего, если при совместной жизни супруги даже становятся похожими друг на друга? Цена обмана порой может равняться стоимости жизни, и не одной. В конце концов, размер страховки может определять и стоимость обмана и совместной ответственности.

Только заставить женский мир не стесняться наготы легче, чем заставить официально сплотиться в сообщество на некое братство с какой-то единой ответственностью, тем более с ответственностью за мужа. Женщины по своей сути в любви не братские особи, и я хоть и говорю о такой возможности, надеюсь только на силу чувств, способных их толкнуть на жертвенность и солидарность.

– Вот и выходит, что это сложно сделать и в каком-то даже будущем мире, хотя за поступки своих детей родители сообща несут ответственность и ныне, – отреагировал он и стал искать глазами куда-то исчезнувший из виду шарик «уко». Его как будто действительно

не было нигде в комнате. – Вот видите, – заметил он, – даже ваш чудо-шарик скрылся от нас, наверно от чувства бессмысленности нашей беседы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.